

Дотянуться до Хосе

Знаменитый тенор пел в Доме музыки про любовь

Марина Гайкович

Бытует расхожее мнение о том, что западные «супер-стар» начинают набегать на Россию тогда, когда активная творческая форма скатилась в сторону пассивной. Дескать, пора бы на покой, да не хочется, и если уж не на центральные арены Европы и Америки, так почему бы не в Москву – говорят, и гонорары не ниже, и улицы от медведей обещают очистить. У сторонников подобных пессимистических взглядов всегда найдется парочка примеров – многие, например, вспоминают, как Паваротти в компании трех коллег, коверкая русские слова, пел на лютном морозе песенку про елочку («Гонорар отработывал!»). А уж про всякие эстрадные явления типа давным-давно канувших в Лету развалившихся групп, которые «возвращаются», как правило, в виде одного из солистов, умолчим – этого добра и правда навалом. Но из каждого правила бывают свои исключения. Вот придет Мадонна – и разом, как она одна только умеет, исправит ситуацию, быстренько престиж российской столицы поднимет (вот только придет ли?).

Герой, о котором пойдет речь ниже, совсем из другой оперы. Один из самых харизматических теноров эпохи Хосе Каррерас всего за пару-тройку лет уже в четвертый раз приезжает в Москву, чтобы вновь продемонстрировать свое мастерство. Каррерас, пожалуй, самый стойкий из своих коллег по знаменитому трио теноров: Паваротти попрощался со сценой, Доминго то и дело берется за дирижерскую палочку (и откровенные неудачи его не смущают), у Каррераса, которого не сломила даже тяжелая болезнь, желание петь не

Каррерас оказался самым стойким тенором

гаснет (а, может быть, именно опыт тяжелой борьбы за здоровье закалил творческий дух).

Правда, организаторы российских гастролей зачастую скрывают программу выступления, всегда обещая неизменные «известные арии». В последний раз Каррерас выступал в сопровождении струнного квартета и пианиста, поэтому пресловутые известные арии были обещаны в камерной интерпретации, которая окунет публику в атмосферу Викторианской эпохи. Последняя должна была, вероятно, создаться в аскетичном по убранству и громадному по объему Большом зале Дома музыки. Заметим, что никаких арий Каррерас не пел. Певец привез в Москву уже давно обкатанную программу итальянских канцон и романсов, которую он уже несколько лет обкатывает с фортепианным квинтетом. Для такого состава в корне неправильно была выбрана площадка: акустика Светлановского зала крайне не способствует благоприятному звучанию подобного камерного состава. По крайней мере с высоты последнего ряда (а журналистам удалось примоститься только там) создавалось впечатление, что отдельно голос, а отдельно – некая масса, которую прорезает время от времени то рояльный аккомпанемент, то резкий звук скрипки. Ни струнники (Новый итальянский квартет), ни пианист (Лоренцо Бавах) по выразительности не дотягивали до Каррераса, не поддерживали и не продолжали его художественные посылы и гибкие повороты в музыке, а потому создавалось впечатление, что между голосом и сопровождением большая пропасть (а хотелось бы, чтобы это был единый организм). По крайней мере удалось главное – еще раз насладиться пением испанского тенора, который с годами не растерял ни силу, ни мастерство. Кантилена, высокие ноты (особый шик теноров), присущая только Каррерасу искренность и открытая, направленная к зрителям, лирика (без нее в итальянских песнях, которые все про любовь, никуда не денешься, будет или сухо, или пошло) – то немногое, чем порадовал великий Хосе московскую публику.

Независимая - 2006-07 сентябрь - с. 11

94